

Феномен Селиванова

В Прокопьевске на площади КВЦ «Вернисаж» открыт памятник народному художнику

Сидит мужичок на лавочке. В руках петух, его дорогой Петя, с которым он так любил разговаривать. Шапка пшеничных волос, дремучая борода, пронзительный взгляд задумчивых глаз – такими бывают лики святых. Иван Егорович смотрит на нас сегодняшних, словно хочет поведать какую-то тайну. И я ловлю себя на мысли, что веду с ним задушевный разговор.

ПРОКОПЧАНЕ

Иван Егорович Селиванов (1907 – 1988) родился в бедной крестьянской семье в Архангельской губернии. Закончил три класса церковно-приходской школы. Работал кузнецом, слесарем, кочегаром. В годы войны был направлен в Прокопьевск на железную дорогу.

Он начал рисовать в 39 лет. Пошел в мебельный магазин табурет покупать, увидел стога сена, изображенные на картине, да так и замер. «Переворот произошел. Во всем организме буря поднялась, как в море», – вспоминает он. Еще и цена ошеломила: три тысячи рублей! Это сколько же ему, печнику, нужно печек сложить, чтобы такие деньги заработать?! Попробовал рисовать сам. Но «семь потов спустил, бумаги кучу перепортил, никакого толку». Понял: учиться надо. Знакомые на смех подняли. «Но я твердолобым родился. Что надумал, то вдругорядь, а изделаю».

Нарисовал воробья, послал в Москву на курсы заочного обучения рисованию (позже университет народного искусства им. Н.К. Крупской). Рисунок приняли, в возрасте 40 лет его зачислили на первый курс университета (ЗНУИ). И долгие годы Иван Егорович был прилежным его учеником. Начал учиться в 1947 году, он окончил университет только в 1969-м с оценкой «отлично». Уже в 1956 году, после выставки самодеятельных художников в Москве, о нем заговорят как о самобытном мастере, его работу «Портрет девочки» искусствоведы назовут «самодеятельной Джокондой».

«Когда я впервые увидел автопортрет Ивана Егоровича Селиванова, – признался в свое время художник С. М. Никиреев, – никак не мог успокоиться от радостного возбуждения и поверить в то, что мастер этот по профессии не художник, а печник. Высокая простота искусства, достойная матиссовского определения: здесь ничего ни убавить, ни прибавить. Справедливо было бы поместить поразивший меня автопортрет в один ряд с замечательными автопортретами Ван Гога и Руссо».

Начиная с 60-х годов работы кузбасского самородка ежегодно участвовали во всеююзных и всероссийских выставках, демонстрировались в зарубежных выставочных салонах. Так пришла к нему мировая слава при абсолютной неизвестности в родных краях! Только в 1973 году картины Селиванова были представлены на городской выставке в Прокопьевске, в 1986-м

состоялись персональные в Кемерове, Новокузнецке, Белове. Спустя год в Москве прошла последняя при жизни персональная выставка И.Е. Селиванова.

«Художник редкостного дарования, – говорили о нем учителя, – самородок необыкновенного веса и блеска. Его работы хранят черты первоизданного, глубоко национально восприимчивого восприятия мира. В них подлинная правда и глубина. Селиванов не «наивный» художник и не примитивист. Творчество самобытного мастера основано на глубочайшей интуиции и озарениях интеллекта».

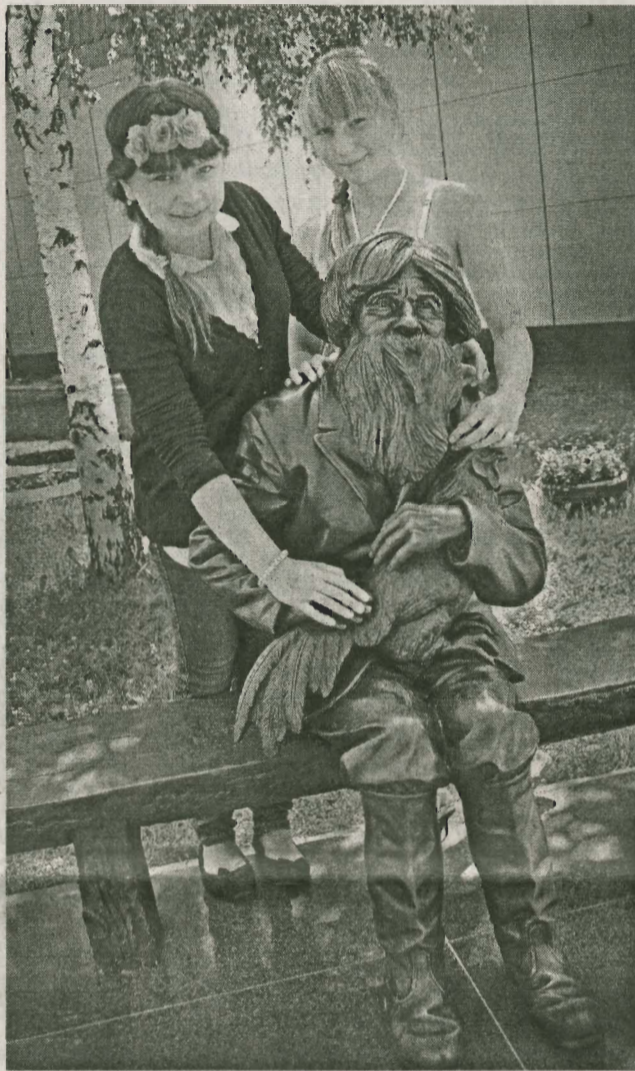
К сожалению, мне не довелось встречаться с ним. Но, как сейчас, вижу его картину – синий кот на белом снегу, с почти человеческими глазами. Селивановский кот тронул меня до слез. Казалось, сама грусть тоска заглядывает мне в глаза. Кто-то назвал эту работу «предчей» автопортрета Селиванова.

Смотрю на карандашные наброски чудо-мастера и репродукции картин, то бесценное достояние, что по крохам удалось собрать и сохранить, и словно пью родниковую воду из источника. Я вижу волнистое жнивье, стожки сена у подворья и тихую утренняя зорьку. Словно очарованный путник приостановился на мгновение, чтобы набросать это на полотно.

Говорят, что все свои картины художник по-своему толковал. И обращался к каждой «животинке»: «Здравствуй, Петя! Я к тебе. Принес гостинца. Смотрю давно я на тебя. Стар ты стал, красу младую потерял. Пока живи, не умирай, красавец мой. Тебя храню как особую реликвию... Твоя красота на полотне снята мной уже давно. Известна в Лондоне людям. Не погасла слава о тебе. Ты будешь жить на полотне, пока оно не развалится и краски не померкнут». Бесхитростные, на первый взгляд, строки так и проникают в душу.

Его работами восхищались Лондон, Париж, Нью-Йорк, Прага, Берлин, Монреаль... А художник жил на окраине Прокопьевска в пустынной глуши, где узкие улочки меж изгородей отделяли от мира селивановские владения. Он создавал бесценные творения и питался бобами со своего огорода. Дитя природы и великий мудрец, он отражал на холсте все свои мысли и потрясения. А его творчество по сей день будоражит сердца людей и вызывает живой интерес в среде исследователей.

Он был не только худож-

Погладить петушка – на счастье! Сестры Кристина и Эльмира Миннигалиевы уверены в этом.

ником, но и философом. До самой смерти вел дневник, в котором пытался осмыслить жизнь и себя в этом мире: «И вновь передо мной дорога... Откуда она начало берет, куда идет – я не знаю. Зашел на дорогу с мыслями – куда податься, в правую или левую сторону? Куда пойти, куда поехать, что найти? Цели не было. О счастье мечтал. Но где же ты, счастье? Почему так долго ко мне не идешь? Может быть, ты заблудилось в пути?»

«Язык его дневников чист, как весенняя капель, – скажет о нем писатель Василий Аксенов. – А сила личности Селиванова удивительна. Не поверите, когда я наблюдал его щедевшую фигуру в большом выставочном зале Кемеровского художественного музея, мне припомнилось, что есть в космосе звезды-карлики, обладающие неимоверной силой притяжения. Так вот и Селиванов, его картины, рисунки, дневники поражали силой притяжения».

«Искал я правду в широком мире, правды нигде найти не могу. Она где-то стоит под укрытием, в расщелине, и смотрит на мир» – читаю сокровенные строки. И вся жизнь художника, такая нескладная, неприкаянная, пронзительно встает передо мною.

но в Прокопьевске на центральном рынке. Он продавал овощи со своего огорода. Лето. Жара. На нем фуфайка, кепка, надвинутая на лоб, и кирзовые сапоги на босу ногу. Его взгляд, упорный, словно смотрящий насквозь, его голос, спокойный, уверенный – человека, знающего себе цену. И весь его облик, такой необычный, не мог не произвести впечатление. Говорил он паузами, что придавало особый колорит и значимость его речи. Я показал художнику свои рисунки. Он понял, что мы больны одной болезнью. Пригласил к себе.

Старинный домик особняком, огороженный высоким забором. Там у хозяйки был огород, где он работал.

– А, это ты, ну проходи, – обыденно встретил меня, открывая калитку. Он показал мне письма из ЗНУИ, глянецевые журналы со статьями о нем, которыми, похоже, дорожил. Угостил чаем.

«Жена художника умерла. Он жил затворником и работал сторожем в городском краеведческом музее. Так мне посчастливилось познакомиться с уникальным человеком и если не подружиться, то поближе узнать о нем и его творчестве. В Прокопьевске я знал еще человек десять художников-самоучек, которые тоже учились или закончили ЗНУИ и творили по наиву. Но они оставались любителями. А Иван Егорович свою жизнь посвятил творчеству. Преподаватели университета искусств курировали его более сорока лет. И видели в нем то земное, исконно русское, что находит отклик в душе любого человека, пусть даже далекого от искусства. Не по статусу, но по определению он был поистине народный художник, у которого своя философия жизни, что и отличает его картины».

С самого начала Селиванов описывал свои работы. Юрий Аксенов, заслуженный работник культуры РСФСР, взявший над ним шефство, посоветовал: «Иван Егорович, пишите размышления к своим работам». Они в дальнейшем подвигли художника вести дневники. Его высказывания значительно расширяют диапазон его духовного творчества. Этим он и ценен для потомков. Селиванов встречался с большими людьми – серьезными художниками и любителями, занимался творчеством, самовыражением и набирался мудрости от природы. Искусствоведы сравнивали его с гениальными мастерами: Ван Гогом, Пиротомани.

В 1987 году в Москве в Манеже проходила выставка любительского искусства, где я впервые увидел его «Автопортрет». Прочел надпись: г. Прокопьевск и сказал себе: надо встретиться. В ту пору я служил в армии и уже активно занимался живописью. В свободное время оформлял ленинскую комнату, музей боевой славы. За что и заработал внеочередной отпуск домой. А встретились мы неожидан-

А в Прокопьевске его называли просто – дед. Местные пацаны над ним подшучивали. Его затворнический образ жизни – не что иное, как защитная реакция от недобрых людей.

– В то время я много работал на город, через партийные органы, комсомол, – продолжил свой рассказ Виктор Самошкин. – И всякий раз, когда заикались о Селиванове, его самого старались не показывать приезжим. Состояние жилья и весь уклад его жизни, полагали, могли скомпрометировать городские власти. По большому счету в Прокопьевске его вообще не считали за художника и относились к его творчеству с иронией. Пока не пришло всенародное признание. И стали думать, как устроить его жизнь. Область решила – в интернат для престарелых. На территории интерната, по ходатайству ЗНУИ, построили дом-мастерскую для художника. Там он прожил чуть больше года.

Как старое дерево с корнями пересадили с одного места на другое. В 80 лет это стало для него большим стрессом. Я был на похоронах. В поселке Инском на могиле художника поставили памятник скульптора Николая Яковлевича Коленко. В Новокузнецком музее изобразительных искусств есть моя работа – гипсовая фигурка мастера. Его имя занесено во Всемирную энциклопедию наивного искусства.

Всю свою жизнь Иван Егорович как мог зарабатывал кусок хлеба: он хорошо клал печи, работал обходчиком на железной дороге, продавал овощи со своего огорода. Единственное, что он не продавал, – свои картины. Хотя за них сулили большие деньги.

«Продать работу не могу, – признавался он, – так как это – продать свою голову. Какие бы капиталы ни были, в землю не закопаешь». Более 400 картин сотворил И.Е. Селиванов, а продаст лишь две – в Суздальский музей и во Всесоюзный музей народного творчества.

Все свои картины Иван Егорович отправлял в Москву. А дальше судьба их неизвестна. Все попытки кузбассовцев отыскать живописные оригиналы не увенчались успехом.

Что же это за явление, селивановское искусство? Оно учит нас в малом находить великое и удивляться тому, что нас окружает, ценить это.

В Прокопьевске сложилась целая плеяда самобытных художников, которые жили параллельно с Селивановым, творили и пробуждали в людях такие же добрые чувства. За последние годы в городском клубе художников появилось много новых имен. И в разных уголках Кузбасса простодушные творения самобытных мастеров народного творчества заставляют восхищаться и трогают наши сердца. В этом и есть, пожалуй, феномен Селиванова.

Нина ЗАСАДНАЯ,
Николай БАБАРИЦКИЙ
(фото)